

📖 Поэзия:
Алексей Сомов

БАЗАРНЫЙ ДЕНЬ

- * *Сверим часы. Архангелы стаями...*
- * *От мглы, налипшей на зубах...*
- * *Это осень. Неужели так скоро...*
- * *Богу - Богово, небу - небово...*
- * *Отчего так оголтело льну...*
- * *Нет - не расставанье с угрюмой твердью...*
- * *Езжай в середине июня...*
- * *и с кронами нерасторжимы корни...*
- * *Запомни: скорость света преодолагает тьму...*
- * КОЛЫБЕЛЬНАЯ СЫНУ
- * *И канет ночь, и выйдет срок...*
- * НИТЬ
- * *Я помню день, когда я был сожжен...*

* * *

А. Корамыслову

Сверим часы. Архангелы стаями
тянутся к югу. Иллюзии стаяли.
Кем бы ни были, чем бы ни стали мы -
все-таки чуем
разницу между удачей и счастьем,
между последним - и первым причастьем,
тайной - и чудом.

Чудо - понятно. Тайна - прельстительна.
Думаю, тайне оно и простительно:
беженка, приживалка,
путает, мямлит, скрывает, скрывается,
просит займы - а голос срывается:
и непотребно, и жалко.

Чудо бывает единожды явленным.
Глянь - к палисадникам, крышам и яблоням
тянутся белые сходни.
- Мало? Не верите? Нате вам, олухи:
цвет на траве и радуга в облаке,
лето Господне!

Здесь - преломление и отражение.
Здесь - и победа, и отрешение,
шпиль и основа.
Все в этом мире не нами заверчено.
Капай, смола. Гори, семисвечие.
Бодрствуй, рубанок - и раньше, чем к вечеру

лодка будет готова.

^
--

* * *

От мглы, налипшей на зубах,
от злобы, что довлеет дневи,
храни, Господь веселый Бах,
в заботах о насущном небе.
Даруй нам, Господи, любовь
без слов кривых и знаков тайных -
корзину рыбы, пять хлебов,
и в марте гололед и тальник,
цветочный яд и дикий мед,
Восток и Север, Юг и Запад,
поскольку этот город мертв
и дом покинутый не заперт.
Поскольку не сыскать границ
шагам разымчивым и спорым
в ночи - и все же оглянись:
ведь этот шов еще не вспорот!
Сыграй, прошу Тебя, сыграй
на самых чистых и щемящих
в малиновый павлиний рай,
в сквозной, набитый ветром ящик...
Ведь нет позорней немоты -
не умалишь ее, не спрячешь -
и это слишком знаешь Ты,

и плачешь, Господи - Ты плачешь?

^
— —

* * *

Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века.
"Символ веры", Никейский собор, 325 г.

Это осень. Неужели так скоро,
неужели так до срока - поверь,
я не слышал терпеливого хора,
указующего мне, кто правей,
кто правдивее.

В прожилках и остях,
словно в устьях замерзающих рек,
застоялся пузырящийся воздух,
пузырящийся и ясный, как грех.
По какой такой любви и причине
под рассыпчатый смешок-шепоток
от предсердья к воспаленной брюшине
перекачиваешь медленный ток?
Сколько скуки на внимательных мордах
облаков порожних, сторожевых...
Слышишь - чаю воскресения мертвых,
но не чаю обретенья живых.
Слышишь - верю в холода, в непощенье,
в снег, что выпадет из Боговых рук,
в превращение и коловращенье,
возвращенье - на гончарный ли круг?
...Это память. Это тысячи волглых
соответствий в обожженной листве.
Подержись еще немного за воздух.
Заплати за ускользящий свет.

^
— —

* * *

Богу - Богово, небу - небово,
а земле - намывать гостей.

Все, что было и все, что не было,
разом выпало из горстей.

Солнцу - солоно, боли - боязно,
аж в глазах золотая резь.
То ли я отбился от поезда,
то ли поезд сошел с рельс.

То ль, очнувшись от сна глубокого,
все шепчу в лубяную тьму:
- Богу Богово, Богу Богово, -
а и тяжко, поди, ему...

^
— —

* * *

*...чтоб нёбо стало небом...
...и мыслящий бессмертный рот...*

Мандельштам

Отчего так оголтело льну
к ясному до маеты, до жути
колокольному цветному льну
с привкусом забвенья или ртути?
Словно предстоит с самим собой
долгая бесслезная разлука -
посвист стрел, пылающий собор,
ни словечка, ни кивка, ни звука...
Так и подступает немота -
слишком опрометчиво и рьяно
оловом кипящим залита
лицевая мыслящая рана.

...Знать бы,
скольким пересохшим ртам
довелось вбирать упругий воздух
откровения - и чья гортань
прохрипит о небывалых веснах,
как лютует скомороший Бог,
заходясь в колючем едком кашле,
как разматывается клубок,
и сочится в тыщу лет по капле
стереоскопический простор

сквозь ушко кашеевой иголки, -
и ведут неспешный разговор
ветлы и ветра, волхвы и волки...

В кратком переводе на людской,
памятливый, теплый и бескостный,
это значит: обернись рекой,
радугой двойною високосной -
только бы заполнить как-нибудь
промежуток меж Творцом и тварью.
...Автострады уступают путь
гибкому степному разнотравью.
Только бы, немея на закат,
подставляя грудь дождю и снегу,
кончиком сухого языка
прикоснуться к нёбу - или к небу.
Тут-то и настигнет, как удар,
и встряхнет за немощные плечи
дивный и немилосердный дар
человечьей речи...

^
--

* * *

Нет - не расставанье с угрюмой твердью,
не освобожденье от тяжелой ноши -
чуткие шаги тишины за дверью,
и - погашен свет, и - спокойной ночи.
О переселении душ - не надо,
и о воздаянье - рассказы бросьте.
Все, что будет после - шальная радость:
ни тебе венца, ни расплаты... Просто -
будто кто-то резко раздвинул шторы,
и, врасплох захваченный пестрым светом,
щуришься сквозь сон:
- Воскресенье, что ли? -
и непобедимо уверен в этом.

^
--

* * *

Езжай в середине июня
в заброшенный сад у реки,
где ночи застенчиво юны,
а дни покаянно легки,
где света ничейного вдоволь,
где весел и чист окоем
и терн обезумевший, вдовый
надсадно скрипит о своем.
Сочти в ожиданье кареты
незамысловатый багаж:
тушенка, портвейн, сигареты -
король-именинник, богач...
Бежать от асфальтовой злобы,
въедающейся, как пыльца,
в усталые легкие - чтобы
бездельничать в поте лица!
Но, словно мотив недопетый
услышав, встряхнись и замри:
что есть у тебя, кроме этой
упрямой и цепкой земли?
И взыщешь удачи и чуда,
и явятся - пусть и не в срок -
со дна, из-под тяжкого спуда -
и жалость, и страх, и упрек...

^
— —

* * *

1.

...и с кронами нерасторжимы корни,
и мир качается, как колыбель,
а мы с тобою теплым хлебом кормим
бесстыжих привокзальных голубей.
И фенечка цветная на запястье,
и потаканье прихотям твоим,
и целых пять недель еще в запасе -
в неведенье блаженном - что творим...

2.

...нет, не любовь -
когда в глазах темно
от ревности, абсурдной, точно ересь,
когда глядеть уже не в силах - но
приметишь, в одночасье разуверясь -
и никотиновую бледность щек,
и сеть морщинок тоненьким курсивом,
и удобу, и что-нибудь еще -
ну до чего ты нынче некрасива...
Нет, не любовь - и негодуй, и плачь -
не трубный зов - разорванное эхо,
тяжелая, удушливая блажь...

Не отними, Господь, хотя бы это.

^
— —

* * *

Запомни: скорость света преодолагает тьму.
Но не ищи ответа - зачем и почему.

Не упадет и волос с повинной головы,
покуда дремлет слово среди большой травы.

Смотри, какое небо над крышами стоит.
Плывут по небу нерпа и говорящий кит.

И звездочка простая - одна в своем углу -
доверчиво бросает в египетскую мглу

до хрипоты, до жженья обычные слова
о таинстве рожденья и чуде Рождества.

Ей вторит хор созвездий, качаясь на ветрах,
и скорость доброй вести преодолагает страх.

^
— —

КОЛЫБЕЛЬНАЯ СЫНУ

Ты плачешь. Ты совсем не хочешь спать.
Разбрасываешь руки и пеленки.
И мгла - надорвана. И ночь - на спад.
Какая-то кошмарная поломка
случилась во Вселенной. Некий сбой.
Земля кряхтит и валится с орбиты.
И ты захлебываешься собой
от маленькой взаправдашной обиды
на день, на ночь, на сон, на то, что нет
его, на нас, хлопочущих без толка...
А в изголовье - приглушенный свет
и с Рождества не убранная елка.
Давай, бесчинствуй, надрывайся, вой,
реви как сумасшедшая белуга!
Ты голос подал - значит, ты живой
и сделал шаг из замкнутого круга.
Потом усни - чтоб, словно за дверьми,
под веками на цыпочках прокрасться
в базарный день,
в галдящий пестрый мир,
прекрасный - трижды проклятый - прекрасный.

^
--

* * *

И канет ночь, и выйдет срок,
и ниоткуда, как сиротство,
нагрянет хищный ветерок -
свирепый северный сирокко.
Одним движением руки,
упрям, бессовестен и ловок,
он вырвет с мясом косяки
и оборвет белье с веревок.
И разойдутся полюса,
и вспыхнут гаснувшие солнца,
и невидимки-паруса
поднимут мачтовые сосны,
и полдень встанет за кормой,
как "да" и "нет", как время года...
Так неужели, Боже мой,

мы ждали лучшего исхода?
Помилуй Господи - я жил
наощупь разбирая буквы,
не то чтоб в оголтелой лжи,
но в небрежении, как будто
с песчинкой едкою в глазу -
и вдруг прозреть на вдох и выдох,
и задохнуться, как в грозу,
с предельной четкостью увидев
и дальний свет, и дальний мир,
такой бесслезный и ничейный, -
теперь попробуй-ка пройми
его звучанье и значенье...

^
--

Нить

1.

Нить свивается все тоньше.
Половина пути - и вот
кто-то молвил светло и точно:
каждому - по вере его.
Можно ждать иного расклада,
уповать на благую весть.
Только лучше уже не надо -
веселей и горше, чем есть.

2.

Первый лед подола не держит.
На волокна распалась нить.
Хмурой ветренице-надежде
негде голову приклонить.
Только небо, навзрыд стирая
поражения и ничьи,
беззастенчиво - Христа ради -
постучится веткой в ночи.

^
--

* * *

Я помню день, когда я был сожжен,
взойдя на уготованное ложе
с прекраснейшей из земнородных жен -
и выл огонь, сырые ветки гложя...
Любимая, истлели паруса,
погашен свет, и двери сняты с петель.
Нам остаются пепел и роса,
тяжелая роса и горький пепел.
Под пологом приязненных небес
мы пили воду с лепестками терна
и узнавали вдруг себя - в себе,
и вновь себя теряли обретенно.
В хитросплетенье улочек кривых
и праздных площадей, набитых людом,
что делать нам, скажи? - я так привык
к своей судьбе, к ее уловкам лютым,
а все же мы еще на смерть взрослей,
и се, теснимый воробьиной злобой,
твержу кому-то: что ж, теперь разлей
беду нас колодезной, попробуй
разъедини хотя б на миг, рассорь
с пространством нерассказанным, неспетым,
когда мы стали пеплом и росой,
росой и пеплом...

^
--

© Алексей Сомов, 2003-2010.
© Сетевая Словесность, 2003-2010.

Страница открывалась с 30.10.03 1249 раз